

СТАТЬИ И СООБЩЕНИЯ

ОБОРОНА МОСКВЫ В 1941 г. ВО ФРОНТОВОМ ФОЛЬКЛОРЕ
(из воспоминаний фольклориста-фронтовика)

ПУШКАРЕВ Л. Н.

MOSCOW 1941 DEFENSE
IN BATTLEFIELD FOLKLORE
(FROM SOLDIER-FOLKLORIST
RECOLLECTIONS)

PUSHKAREV L. N.

В статье на основе воспоминаний и материалов личного характера рассматривается оборона Москвы в годы Великой Отечественной войны глазами фольклориста-фронтовика.

The article, basing on recollections and personal materials examines Moscow defense in World War II through the eyes of a soldier-folklorist.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, воспоминания, фронтовой фольклор, история повседневности, социальная психология, индивидуальная психология комбатанта.

Keywords: World War II, recollections, battlefield folklore, daily life history, social psychology, combatant's individual psychology.

УДК 94(47)084.8

65-летие Победы нашего народа в Великой Отечественной войне вновь возвращает нас к одному из памятных событий войны — к битве под Москвой в 1941 г., к сокрушительному наступлению советских войск на мощные силы противника. Эта битва, прошедшая в труднейших для нашей страны условиях, по словам маршала Г. К. Жукова и других военачальников, заложила основу для последующего разгрома фашистской Германии.

Многовековая история нашей страны знает немало примеров героизма, проявленного при защите от иноземных захватчиков русских городов их населением. Козельск и Рязань в годы татаро-монгольского ига, Троице-Сергиева лавра во время польско-шведской интервенции XVII в., Смоленск в войну 1812 г., наконец, Москва, Ленинград, Сталинград и многие другие города воинской славы в Великую Отечественную войну стали символами стойкости и мужества горожан, самоотверженно их защищавших. Немалую роль в этом в годы Великой Отечественной войны сыграло добровольчество как один из видов создания и пополнения вооруженных сил государства. Оно было известно во многих странах, в разные времена и принимало массовый характер, когда страна была вынуждена вести оборонительные войны, вызывалось естественным подъемом патриотизма. Пример тому — народное ополчение в XVII в., ставшее огромной силой изгнания интервентов с Русской земли. Таковыми стали и народные ополчения и добровольческие соединения населения Москвы и окружавших ее городов в 1941 г.

О защите осажденных фашистскими войсками городов их жителями в 1941 г. и в другие годы при наступлении фашистской армии написано немало, опубликовано материалов и документов [1]. Но есть одна разновидность исторического источника, которая долго

еще не будет исчерпана до дна — это живая память ветеранов, защищавших свою родную землю в тот момент, когда она особенно в этом нуждалась. Это, конечно, воспоминания ленинградцев, стойко выдержавших многомесячную блокаду и не сдавших город фашистам. Это и воспоминания защитников Москвы в 1941 г., когда столица стала последним заслоном на пути продвижения врага внутрь страны. Историковедческая ценность такого рода воспоминаний и в том, что в историографии недостаточно специальных работ о добровольческих формированиях и их роли, а об обороне столицы написано еще очень мало и давно [2]. Возможная причина этого в том, что после начала наступления наших войск под Москвой 6 декабря 1941 г. добровольческие формирования были преобразованы в кадровые стрелковые подразделения и получили порядковые номера, под которыми они и закончили победой свой воинский путь.

Сейчас, по прошествии многих лет после битвы под Москвой, мало осталось в живых тех, кто добровольно сменил гражданскую одежду на военную шинель и стал защитником города, смело осознавая все те испытания, которые могли выпасть на их долю. Нам выпала судьба видеть этих защитников Москвы летом 1941 г.: когда началась война, мы сдавали экзамен за третий курс филологического факультета МГПИ им. К. Либкнехта (после войны он волился в Московский государственный институт им. В. И. Ленина). После сдачи экзаменов нас, студентов-старшекурсников, которым оставался тогда один год обучения, сразу не призвали в армию, а мобилизовали на трудовой фронт. Вначале мы рыли противотанковый ров на западе от Москвы, который должен был, по замыслу командования, стать преградой на пути фашистских танков, рвавшихся к столице. Но в сентябре 1941 г. нас вернули в Москву для завершения образования. Мы начали было слушать обзорные лекции, но уже в октябре враг прорвался к ближним подступам столицы, и наш институт в октябре был эвакуирован в далекий тыл, в Алтайский край, г. Ойрот-Туру.

43 студента нашего факультета решили остаться в Москве, и по призыву МК ВЛКСМ вступили в Коммунистический батальон Бауманского района столицы. Важно подчеркнуть полную и абсолютную

добровольность тех, кто решил отказаться от эвакуации в глубокий тыл ради выполнения гражданского долга. Все шли на этот шаг осознанно и никем не были принуждаемы. Теперь нередко среди молодых людей можно встретить удивление теми, кто добровольно пошел на фронт, на возможную и близкую смерть. Но для нас, большинства студентов, воспитанных на лозунгах партии и правительства, на осознании неизбежной и скорой войны («Если завтра война, если завтра в поход, если темная сила нагрянет...»), запись в добровольцы была осознанным и естественным решением, а не минутным душевным порывом. Показательно и то, что те наши товарищи, по тем или иным, большей частью уважительным причинам оставались в Москве, также не считали нас «героями», подвижниками, и ими наше решение пойти добровольно на фронт расценивалось как нормальное, обычное, рядовое явление.

В Коммунистических батальонах, как и в народном ополчении, оказались люди разных профессий и различного возраста — от старшекласников и студентов до пенсионеров. Ополченцами, например, Дзержинского района столицы командовал участник Русско-японской и Первой мировой войны, весь израненный и седой воин Ф. М. Орлов. Позднее мы встретили на строительстве оборонных рубежей и Н. И. Подвойского, члена партии РСДРП с 1901 г., одного из руководителей взятия Зимнего дворца в 1917 г., бывшего наркома по военным делам. Нас поразил вид этого подтянутого и стройного человека в серой шинели. Вместе с нами в одном взводе связи служил 62-летний инженер-связист, много помогавший нам, студентам, в освоении непривычной для нас телефонной техники полевой связи. Москву защищали все независимо от возраста и положения.

Когда наш институтский преподаватель, известный уже тогда фольклорист В. И. Чичеров узнал, что мы идем добровольцами на фронт, он возложил на меня «обязанность» записывать военный фольклор. Я был примерно готов к этому. Начиная со второго курса, занимался в его семинаре по фольклору и освоил методику записи устных произведений — песен и сказок, а для этого изучил приемы стенографирования живой речи. Мало того, я закончил

курсы униграфии (система стенографии) и был подготовлен к тому, чтобы самостоятельно записывать произведения устного народного творчества. Сознательно готовя себя к работе учителя-словесника, я предполагал записывать фольклор там, куда меня пошлют после окончания института на работу. Поэтому к заданию записывать песни, частушки и другой фронтовой фольклор отнесся даже с охотой. В. И. Чичеров, напутствуя меня, передал мне две толстые тетради по 96 листов в дерматиновой обложке и три остро заточенных простых карандаша для записи (чернилами записывать в боевых условиях было невозможно, да и тетрадь могла намочнуть — тогда чернильный текст пропадал!).

Тетради, действительно, в условиях фронтового быта оченьгодились. Ведь в те годы и в тылу, а особенно на фронте все испытывали постоянно настоящий бумажный голод. Бойцам не хватало бумаги даже для изготовления папирос-самокруток. Были случаи, когда мне приходилось жертвовать несколькими листами из моих тетрадок, чтобы снабдить товарищей по оружию бумагой на сигарки. А иногда — что уж тут скрывать! — бойцы просто таскали у меня листочки из тетради, пользуясь моим отсутствием. Ведь тетрадки-то лежали в моем солдатском вещевом мешке, который долгое время был единственным местом, где можно было хранить записи.

Первые из них я сделал 16 октября 1941 г. (между прочим, позднее, когда попал в госпиталь в Москве, я узнал, что через три дня 19 октября было названо москвичами «днем всеобщей паники» в связи с активным наступлением фашистов). Это был пункт формирования нашего батальона. Провожавшая в армию своего юношу молоденькая девушка пропела:

Понапрасну фрицы ходят,
Понапрасну танки бьют:
СССР не завоюют
И в Москву не попадут.

Это была Вера Панова, тулячка, студентка Московского института химического машиностроения. В тот же день я записал еще одну частушку, спетую оставшейся мне неизвестной девушкой:

За страну нашу родную
Грудью станем, как один,
И Москву нашу родную
Никому не отдадим!

Наш Коммунистический батальон Бауманского района столицы начал формироваться в здании школы на Большой Почтовой улице. После небольшого митинга мы пешком прошли через всю Москву до места отведенной нам дислокации — за Никольскую больницу на Ленинградском шоссе. Перед нами была поставлена задача охранять два моста — шоссеиный через канал Москва—Волга и железнодорожный мост Октябрьской ж. д., связывавший Москву с Ленинградом. Мы рыли землянки на подмосковных огородах. Вскоре окопы буквально опоясали канал Москва—Волга. Наше направление считалось одним из самых опасных. До передовой было рукой подать — в 22 км от нас, в деревне Черная Грязь, были уже фашисты.

Рядом с моим окопом был обыкновенный небольшой жилой дом, каких много на окраинах Москвы. Там жила 12-летняя школьница Таня Петренко. Она тихо напевала песни, старалась запомнить частушки. По моей просьбе она спела одну из них:

Понапрасну, Гитлер, ходишь,
Понапрасну танки бьешь:
Ты страну не завоюешь
И в Москву не попадешь!

По слухам, враг к тому времени полностью занял г. Калинин (ныне Тверь), велись бои под Волоколамском, Можайском, Нарофоминском. Москве грозило окружение. Нас стали усиленно готовить к возможным близким боям, мы спешно изучали оружие и тактику ближнего боя. На одном из политзанятий на тему об обеспеченности нашей армии оружием и военной техникой старшина, первый наш военный настоятель, бывший учитель, сверхсрочник Соловейчик вдруг проиллюстрировал свои наставления частушкой:

Гитлер русского спросил:
«Хватит ли оружия?»
Хватит, хватит, черт косою,
Вся Москва загружена!»

Когда же я спросил, откуда он усвоил эту частушку, он ответил: «В народе поют!».

19 октября 1941 г. в Москве было введено военное положение. Москва стала прифронтовым городом. На нашем участке была усилена охрана мостов, и рядом с шоссеиным мостом на случай возможного прорыва танков было размещено два взвода саперов

с собаками-истребителями танков, а сами мосты были заминированы. Был организован дополнительный сбор бутылок для наполнения их горючей смесью (знаменитый «коктейль Молотова!»), предназначенных для уничтожения танков. По поручению командира батальона я привлек к этой работе, сбору бутылок, пионеров нашего района, которые довольно быстро набрали по чердакам и свалкам два грузовика разнообразных бутылок. Машины были отправлены на пункт заправки, где я к своему удивлению обнаружил, что на многих из бутылок были бумажки с надписями от руки. Я успел списать некоторые из них: «Как танк ни дребезжит, а от такой бутылки сгорит!», «Кто с огнем ходит, того и смерть обходит!». И даже такую: «Как Гитлер ни хвалится, а под Москвой завалится, подлюга!».

На одном из ящиков прямо по доскам было «нарисовано»: «Московская сила — Гитлеру могила»; на другом сбоку: «За Москву-мать не страшно и умирать!». На бутылке из-под «Московской запеканки» (была раньше такая настойка!) была приклеена бумажка с надписью от руки, спешной: «Московская запеканка для берлинского танка». А в одном из ящиков я увидел написанную женским почерком записку: «Дорогие бойцы! Бейте пол-литры, не жалейте, вернетесь с победой — мы вам новые поставим на стол. Москвички». А в другом, детским еще почерком: «Сражайтесь смело, мы помним вас, любим вас, ждем вас с победой! Люда и Маша».

Центральное место в повседневности занимала агитационно-пропагандистская работа. Вспоминаю выступление начальника политотдела нашей 3-й Коммунистической дивизии батальонного комиссара К. А. Бирюкова. Сколько лет прошло, а до сих пор сохранились в памяти примерно такие слова: «Впереди нас — доблестные воины, опытные обстрелянные бойцы. Они будут грудью защищать Москву. Но — война есть война, в ней возможны и отступления и наступления. Ведь отступление — это тоже вид боевых действий. Поэтому они могут и отступить, а вот нам с вами отступать некуда. Перед нами стоит одна задача — остановить врага, умереть, но не дать противнику ни малейшего шанса войти в столицу. “Стоять насмерть” — вот наш девиз. Вот наш единственный лозунг! Помните: за нами — наши матери, жены,

дети. Партия и комсомол призвали вас выполнить свой гражданский долг. Знайте: Сталин — с нами, он надеется на вас, он верит в вас, в ваше мужество и стойкость! Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами!».

Сейчас уже вышло довольно много исследований, посвященных характеристике морально-психологического облика бойцов Великой Отечественной войны [3]. Что же отличало воина-добровольца от остальных комбатантов того времени? Это прежде всего — высокий моральный облик добровольцев. Мы были в общем-то плохо обучены военному мастерству, хотя многие из нас и проходили курсы военной подготовки в институтах. Нам, «нестроевым, необученным», как называл нас старшина Соловейчик, нелегко давалась строевая подготовка, сложно было привыкать к строгим уставным отношениям армейской среды. Но мы честно и самоотверженно старались усвоить азы военной подготовки, понимая, что умелые, грамотные в военном деле, стойкие бойцы смогут выжить в боях, имея цель остановить рвавшегося к столице врага. Характерно: за все мое время службы под Москвой я помню всего только один случай серьезного нарушения воинской дисциплины добровольцем Холмушиным, которого посадили на гауптвахту за пьянку, а напился он с горя, узнав о смерти жены, оставшейся на территории и, занятой фашистами. На следующий же день его выпустили. Гауптвахта в нашей части пустовала три месяца — все время, пока стояли под Москвой.

Конечно, не все «нестроевые, необученные» были на высоте. Мы с охотой и пониманием относились к военной подготовке, но вот строевую подготовку принять не могли. Ну никак мы не могли понять, зачем нас командиры заставляли оттачивать строевой шаг и четко при этом выполнять, казалось бы, ненужные ружейные приемы. Старались всеми силами «отбояриться» от этой, как мы называли, «шагистики». Были уверены, что не нужна она на поле боя. Стрельба — да, конечно, необходима, жизненно необходимо, но не строевая подготовка... Нет, это не для нас, мечтавших о скором окончании войны!

Одним из способов старшины добиться от нас хорошего строевого шага были песни. Вначале мы пели кто во что горазд:

и старые солдатские песни («Солдатушки, бравы ребятушки»), и «Моряка» («Ты, моряк, красивый сам собою...»), и песни Красной Армии («С неба полуденного...»). Буквально на моих глазах была создана наша собственная строевая добровольческая маршевая песня. Дело в том, что в нашей Коммунистической дивизии, в батальоне Сокольнического района столицы служили и студенты Института истории, философии и литературы (ИФЛИ), а среди них был Семён Гудзенко, ставший впоследствии видным советским поэтом. Мы, филологи, довольно скоро познакомились. Я же часто встречался с Гудзенко по делам самодеятельности, которой занимался по комсомольскому поручению командования. И вот однажды он приходит ко мне и говорит, улыбаясь:

— Слушай, Лев, а я боевое задание получил!

— Какое же?

— Да вот вызывает меня наш комиссар и говорит: «Про тебя слух прошел, что ты стихи пишешь. Это хорошо. Тогда вот тебе и боевое задание: сочини нам строевую маршевую песню о нашей добровольческой дивизии. Ну там форму-то ты и сам определишь, а нужно, чтобы в песне было сказано, что мы — добровольцы, что в бой нас ведет сам товарищ Сталин, наш отец, и, в конце, конечно, что мы победим. Сможешь?». Я ему сказал «попробую», а что еще мог?

— И на какой же мотив ты песню-то сочинять будешь? В музыке-то хоть как-нибудь соображаешь?

— А чего мне соображать-то? Под какую песню маршируем?

— Под «Школу младших командиров» (была еще до войны такая строевая песня).

— Ну вот и мы то же под нее напишем. Это же — четырехстопный ямб, самое оно! Да я уже и первый куплет сочинил. Слушай:

Добровольно в строй мы встали,
Мы на бой с врагом пойдем.
Нас ведет товарищ Сталин —
Наш отец и наш нарком!

Хорошо я про добровольцев — то в самое начало вставил? Ну а в конце, как и было приказано, скажу, что мы наше Красное знамя пронесем по улицам Берлина. Пойдет?

И вот спустя неделю из штаба дивизии пришел приказ: всем подразделениям разучить эту песню и только под нее и маршировать официально. Правда, было

разрешено сохранить в отдельных взводах и ротах свои старые строевые песни, так сказать «для домашнего пользования».

Я рассказал об этом эпизоде для того, чтобы подчеркнуть: маршевые песни — это отнюдь не устное народное творчество, как полагают некоторые фольклористы. Да, их часто исполняли, их все знали наизусть, но созданы-то они были чаще всего в приказном порядке, по воле политработников.

Поставив задачу рассказать в статье, как именно отобразилось военное время вблизи от Москвы в 1941 г. в устном народном творчестве на фронте, я вдруг неожиданно для себя обнаружил, что больше всего тогда встречалось фольклорных пословиц и пословичных речений с упоминанием Москвы и Ленинграда. Видимо, это не было случайностью. Тогда в 1941 г. на эти города и были брошены отборные воинские силы и техника. Ведь именно Москва и Ленинград и были теми главными военными пунктами, овладение которыми означало для фашистов победу, а поражение советских войск — торжество их стратегии «блиц-крига», молниеносной войны, подтвержденной боями в Европе.

Но фашистов ждал здесь «полный облом», при том, что в этом не сомневались советские люди. Вот какие пословицы были записаны мною уже глубокой осенью 1941 г.: «Полез гад под Ленинград — и сам не рад; на Москву фриц зенки (глаза — Л. П.) пучит — еще крепче получит!» — так выразился мордвин Н. И. Семенов (1918 г. рождения), выступая на митинге, организованном после информации о планах гитлеровцев затопить Ленинград, а Москву сравнить с землей. Когда же в декабре 1941 г. наши войска пошли в наступление и стало ясно, что фашисты Московскую битву проиграли, мой однополчанин москвич Павел Митров так отреагировал на первое сообщение об отступлении фашистских войск: «Хотели фашисты в Москве отдохнуть, а пришлось им под Москвой подыхать!». Находившийся рядом связист костромич П. Г. Митрофанов (1920 г. рождения), слова эти услышав, добавил: «Хотел фриц всю Россию подавить, да Москвой подавился!».

Не менее выразительно прозвучала и пословица о провале фашистского наступления из уст нашего батальонного комиссара на политбеседе 8 декабря 1941 г.:

«Шел Гитлер к Москве с царской короной, а от Москвы полетел мокрой вороной!». На мой вопрос, от кого он услышал это выражение, он ответил, что просто не помнит. Боец взвода связи З. И. Абдурахманов добавил от себя после выступления комиссара: «Шли фрицы к Москве на танках, а от Москвы удирают на санках!». Своеобразным завершением душевного состояния бойцов после разгрома под Москвой была обнаруженная мною пословица «Москва — что гранит: никто ее не победит!» — я нашел ее на крышке ящика с гранатами, доставленном в наш батальон. Подписи, конечно, не было. Еще одну выразительную надпись я увидел и списал с поля плаката «Клянусь победить врага!». Он висел на стене нашего клуба-землянки: «Гони зверей от московских дверей!». Столь же своеобразным итогом нашей победы прозвучала в конце 1941 г. и пословица «Город Москва бьет с носка!». Это особенно остро почувствовали мы, когда наш батальон организовал экскурсию на выставку разбитой фашистской боевой техники в Москве.

Москва неизменно стала присутствовать и в народных частушках, столь популярном жанре фронтового фольклора. Интересным было и то, что даже известный частушечный зачин «Пересохни, Волга-речка, перестань болеть сердечко!» зимой 1941 г. зазвучал совсем по-иному: «Пересохни, Москва-речка, перестань болеть сердечко!» — именно так распевала ткачиха с Трехгорки, приехавшая к нам с шефским концертом. Она же потом спела и такую частушку:

Двести сорок песен знаю,
Все сейчас перепою.
В каждой песне я про Пресню
Про любимую спою!

Участившиеся бомбежки Москвы фашистами и сообщения о сбитых самолетах на подступах к Москве вызвали такие отклики:

Не летай, стервятник злой,
Над любимую Москвой:
Наш советский самолет
Все равно тебя собьет!

Эту частушку спела санитарка Валя Смирнова, в недавнем прошлом продавщица-лоточница. На эту же тему я записал 2 декабря 1941 г. от зенитчицы М. Ю. Пущиной (1921 г. рождения) такую частушку:

Над Москвою небо чисто,
Далеко видать фашиста!
Фашистского ворона
Бьет зенитка здорово!

Твердая уверенность в собственных силах звучала в частушке, записанной 4 декабря 1941 г. от шофера из автобата, приехавшего в нашу часть с грузом:

Пусть изроют землю танки —
Будут только впадины.
Но Москвы вам не видать,
Фашистские гадины!

Вспоминая те далекие дни сейчас, я хочу отметить тесную связь добровольческих соединений с теми людьми из райкомов ВКП(б) и ВЛКСМ, которые формировали, организовывали и регулярно проверяли наши подразделения. Они часто помогали нам и словом и делом, посылали работниц фабрик и заводов, предприятий наших районов на шефские встречи. Работницы неизменно приезжали к нам с немудрящими подарками — домашним печеньем, пирогами, папиросами. Шефы, когда острота военных сражений стала немного стихать, устраивали для нас и концерты с обязательными танцами после них под баян. Как же стремились молодые солдаты ощутить в руках упругие женские плечи! Как радовались малейшей возможности узнать побольше о жизни оставленной столицы! Шефы подробно рассказывали нам о трудностях прифронтовой Москвы, о нехватке продовольствия, об очередях. Но вот чего не было, так это неверия в нашу победу! Все повторяли как заклинание: враг будет разбит, победа будет за нами! Мы искренне верили в это, ни капли не сомневаясь в грядущей победе, но в 1941 г. думать не могли, что путь к ней будет таким долгим.

Делегаток из Москвы тщательно инструктировали перед тем, как отправить к нам во фронтовую полосу. Мы искренне верили каждому их слову. Да и откуда было взяться нашим сомнениям? Землянки наши не были радиофицированы, повседневно все сведения о жизни Москвы мы получали из газет да от комиссаров. Мы жили в своеобразном вакууме в смысле информации и свято верили всему, что нам говорили. Мы видели, что жизнь в Москве не замерла, что, конечно, трудности есть, — но кому в войну легко живется...

Когда обстановка на нашем направлении фронта становилась все тревожнее, мы стремились бдительнее нести караульную службу, готовились к возможным решающим схваткам. Морозы становились все жестче и жестче. Правда, мы были хорошо экипированы, нас сытно кормили, но все равно — появились и первые обмороженные из числа часовых или дозорных. Участились бомбардировки.

В это время мне встретилась фронтовая переделка известной песни Захарова-Исаковского «Провожанье» («Ой, гармонь моя, гармонь...»). Во фронтовом варианте появился такой куплет, связанный с Москвой:

Фрицу трепку под Москвой

Дали в назидание...

Удирает он домой,

На лице — страдание... Ох! [4]

6 декабря 1941 г. стало для нас, как и для всех москвичей, радостным днем: началось долгожданное наступление. Сначала мы все предполагали, что сразу же пойдем вперед, и с нетерпением ждали приказа, рвались в бой и были глубоко уверены в том, что стоит нам вступить в решающие бои, как противник тут же начнет откатываться на запад... Но военное командование решило иначе, и два месяца мы еще провели под Москвой, на старых позициях. Лишь в феврале 1942 г. нас погрузили в эшелоны, в теплушки, и отправили на Калининский фронт завершать операцию, которой впоследствии присвоят гордое название: «Битва за Москву». Нам выдали новые овчинные полшубки, валенки, меховые рукавицы, теплые носки, теплые шапки-ушанки, подшлемники, лыжи и только что выпущенные тульскими оружейниками новенькие винтовки — в спешке приклады к ним так и остались неотполированными. В ожидании отправки в каждой роте были выпущены боевые листки и стенгазеты, комиссары регулярно зачитывали нам сводки с фронта о провале немецкого наступления на Москву, а также ноту наркома иностранных дел В. М. Молотова «О повсеместных грабежах, разорении населения и чудовищных зверствах германских властей на захваченных ими территориях». Мы шли в решающие бои

не только хорошо вооруженными, но идейно закаленными бойцами.

Уже после начала нашего наступления к нам в часть стало поступать подкрепление. Приехавший мой земляк туляк Н. С. Платонов (1921 г. рождения) пропел нам сразу же по прибытии:

Дайте новую винтовочку,

Патронов сорок пять.

Я родимую столицу

Приехал защищать!

Когда же фашистские силы покатались на запад, популярной стала такая частушка:

Как на улице туман,

Полное затмение.

Глянул Гитлер на Москву

И лишился зрения!

Эта частушка стала настоящим «хитом», я многократно отмечал ее исполнение. Вот еще одна частушка из тех же времен:

Наступали на Москву

Фрицы-неприятели.

Наши воины родные

Их назад попятити...

Этими воинами и были бойцы-панфиловцы, сибиряки, пришедшие из-за Урала и рвавшие в бой! Мы находились с ними в тесном общении и вскоре вместе двинулись к г. Калинин. Медленно двигался наш состав, мы подолгу стояли на разных полустанках, пропуская спешившие к фронту воинские эшелоны с людьми и техникой, а навстречу нам шли эшелоны с фронта с разбитой немецкой техникой и с ранеными бойцами. Во время этих незапланированных остановок на платформах полустанков прямо рядом с нашими вагонами возникали стихийные концерты и митинги, девушки отплясывали «цыганочку» вместе с бойцами и пели частушки. В них они прославляли сибиряков, прибывавших громить фашистов. Вот одна из них:

Сибиряк фашистов бьет,

А мне тоже хочется.

Дайте, дайте пулемет,

Буду пулеметчицей! [5]

Москва часто упоминалась и во фронтовых переделках популярных советских песен того времени. Вот одна из них, спетая лейтенантом Гунченко на мотив известной песни о синем платочке:

Синенький скромный платочек

Немец в деревне украл.

В долгие ночи синим платочком
 Спину себе покрывал.
 Порой ночной
 Лишь ветра протяжный вой...
 Сжавшись в комочек, накинув платочек.
 Мерзнет фашист под Москвой.
 Крепче и крепче морозы,
 В поле — метель да пурга...
 Льют фрицы слезы, от наших морозов
 Им не уйти никуда!
 И вот зимой
 Удар получив под Москвой,
 В панике фрицы мчат от столицы —
 Им не вернуться домой!
 Били их под Сталинградом,
 Били на Курской дуге,
 Бьем в Белоруссии, в Латвии, в Пруссии,
 Бьем на земле и в воде!
 И вот весной
 Снарядов советских вой...
 Едут к Берлину наши машины
 И скоро вернутся домой!

Эту песню Гунченко спел в апреле 1945 г., когда наша часть шла уже с боями по территории Восточной Пруссии. В еще в одной фронтовой песне «Письмецо» встретилось мне упоминание Москвы:

Под Москвой в жестоком пекле боя
 Нас повел в атаку политрук.
 Мне казалось — ты идешь со мною,
 Локоть к локтю, мой далекий друг! [6].

Вообще, когда наши войска подошли к Берлину и начался заключительный этап Великой Отечественной войны, тема Москвы вновь зазвучала во фронтовом фольклоре и на этот раз снова в связи с упоминанием пути отступления фашистских войск от Москвы и до Берлина. Оно стало общим местом, образным противопоставлением двух столиц враждовавших государств. Путь от Москвы до Берлина стал символом боевого победного пути советской армии.

Трудно даже просто перечислить те пословицы, песни и частушки военного времени, в которых упоминается Москва и битва за столицу. Я же хочу закончить свой рассказ на эту тему частушкой, которую я записал, уже демобилизуясь из армии и возвращаясь в Москву — туда, откуда я пошел на фронт. Мы, де-

мобилизированные воины, ехали в обычных армейских товарных вагонах, приспособленных для перевозки людей, по 40 человек в одном вагоне. В одном из них ехали вместе с нами бывшие танкисты — вот они-то и написали на своем вагоне гордую надпись:

От Москвы и до Берлина
 Мы вели свои машины.
 Долг исполнили мы свой —
 Возвращаемся домой!

На другом вагоне бросалась в глаза такая надпись: «Встречайте, родители, к вам едут победители!».

С каждым годом возрастает (и будет дальше расти!) источниковедческое значение воспоминаний участников войны, защитников Москвы. Эти мемуары — важный источник, сохранивший личные оценки события большого исторического значения. Они важны для характеристики образа мыслей, духовных установок русского воина, прежде всего «солдатской души» защитника Родины, входящих в научное понятие «менталитет». Собрать эти воспоминания и опубликовать важнейшие из них — почетная задача историков. «Года бегут, и дорого нам время!» — так сказал поэт. Пока еще живы, увы, немногие из тех, кто с оружием в руках выступил против превосходно вооруженного врага, надо воспользоваться их памятью и записать все, что было ими лично пережито, чтобы сохранить для наших потомков память о той славной битве, которая начала победный путь нашей армии.

Фронтовой фольклор, увы, до сих пор недостаточно еще оценен историками. В частности, в юбилейном издании «Москва военная», уже упомянутом выше, при всем богатстве и несомненном значении опубликованных там источников, в книге не нашлось места для произведений устного народного творчества фронтовиков, которое вдохновляло защитников столицы, не пропустивших врага к сердцу нашей Родины. Его многообразие и богатство — один из удивительных памятников народной культуры Великой Отечественной войны, о котором должны знать новые поколения России.

Примечания

1. Москва военная, 1941—1945. Мемуары и архивные документы». М.: Мосархив, 1995 и др.
2. Альтер А. Рабочие батальоны советской столицы // Исторический журнал. 1942. № 6; Кирсанов Н. А. По зову Родины: добровольческие формирования в период Великой Отечественной войны. М., 1974.
3. Об этом подробнее см.: Сенявская Е. С. Психология войны в XX веке: Исторический опыт России. М., РОССПЭН, 1999; Пушкарев Л. Н. Источники по изучению менталитета участников войны (на примере Великой Отечественной): Военно-историческая антропология. Ежегодник. М., РОССПЭН, 2002. С. 319—333; Сенявская Е. С. Противники России в войнах XX века: Эволюция образа врага в сознании армии и общества. М., РОССПЭН, 2006.
4. См. полный текст песни: Пушкарев Л. Н. По дорогам войны. Воспоминания фольклориста-фронтовика. М., 1995. С. 54.
5. Об этом подробнее см.: Пушкарев Л. Н. Сибиряки на защите Москвы в 1941 г. (из воспоминаний фольклориста-фронтовика) // Сибирь: вклад в победу в Великой Отечественной войне. Омск, 2001. С. 60—62.
6. Полный текст песни см.: Пушкарев Л. Н. По дорогам войны. Воспоминания фольклориста-фронтовика. М., 1995. С. 66.

Сведения об авторе:

Пушкарев Лев Никитович, д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник-консультант Института российской истории РАН, ветеран ВОВ (Москва).
E-mail: pushkarev@mail.ru.

